

Юрий Фёдоров

—
—
—
_ КОМАНДНО-ДИСПЕТЧЕРСКИЙ ПУНКТ
(Один день из жизни офицера ГРП)

ЧАСТЬ I. Утро, 19 февраля

Проснулся поздно. У меня на груди в моих объятиях посапывало прекрасное создание, которое сделало прошедшую ночь почти бессонной.

Девочке только 20, а она такое в постели вытворяет! Это наша не первая «брачная» ночь. Лана замужем за лейтенантом, техником самолёта. И когда он в суточном наряде (помощник дежурного по полку, ДСЧ на аэродроме), она засыпает со мной. То есть, я, майор, работаю заместителем лейтенанта!

По рассказам моей любви между нашими безумствами, познакомилась она не со своим мужем Сергеем, а с его старшим братом Иваном, когда ей ещё не было 15ти. Иван пришёл из армии, устроился таксистом, а Сергей заканчивал 10й класс и собирался поступать в лётное училище. Ну и Ванечка решил ввести младшего братика в курс половой жизни с девочками, чтобы, не дай бог, на мальчиков не переключился. (Боже! Какая половая безграмотность! Свою сексориентацию человек сам себе не выбирает, и индивидуум, если у него не заложено «это» в подкорке, ни на что подобное «переключиться» не может! Скорее, чисто психологически для Ивана нужно было свою похоть объяснить благородными целями!) Они подпоили, а затем изнасиловали Лану. На пару. В позах, каждая из которых была унижительней другой. И хотя, будучи подростком, такие мысли девчонке иногда в голову приходили (т.е. она хотела ЭТО

попробовать, но так, что вроде и не хотела, а её заставили), реал, конечно, здорово отличался от фантазий. Было и больно, и стыдно... Трахали её эти палковводцы целую ночь. И только под утро Ланочка испытала свой первый многоволновой оргазм с Сергеем, и эти ощущения её просто потрясли...

Прибежала домой. Заскочила в ванную, чтобы вымыть из себя всё то, чем эти оглаеды наделили её. И в милицию, чтобы написать заявление на этих негодяев. Дежурный офицер сказал, что приходиться надо с родителями, а вообще, после ванной писать заявление бесполезно... И она просто пошла в школу. Впервые недевочкой, лишённая этой ночью невинности, осеменённая двумя самцами. Однако ещё её потрясли пронзительные ощущения, которые получали парни с ней... в ней! И с Сергеем, а затем и с Иваном, когда и она, наконец, начала испытывать оргазмы!

После занятий она шла домой, когда её встретил Иван и увёл к себе, где их уже ждал Серёга. На этот раз её поймали везде... Так они стали встречаться втроём... Такое случается частенько! Как рассказывал мне следователь военной прокуратуры, у которого я был по убийству дознавателем, есть категория женщин, которые потом сами бегают к своим насильникам...

Сергей в лётное училище не прошёл по здоровью и поступил в авиатехническое. А, когда Лане стукнуло 18 лет, женился на ней, хотя Иван и отговаривал брата... Со мной решила переспать, потому как: во-первых, она поняла, что её больше привлекают мужчины постарше; а во-вторых, чтобы отомстить Сергею – должна же она с ним поквитаться за тот случай! Вот ещё бы Ивану как-нибудь отомстить! Но она уже придумала, как – Иван тоже женат и у него подрастает дочь. Так вот, Лана и наметила себе подружиться с девочкой, когда та подрастёт, а потом познакомить её с каким-нибудь х*истым парнем, который будет не прочь распечатать целочку, подпоить её и подложить под сластолюбивого самца! В общем, моя любовница ещё и дурочка, если делится такими своими планами с посторонними. А, может, она уже не считает меня посторонним?

Кстати, я видел Сергея, этого счастливицу, которому Лана наставляет со мной ветвистые рога. Симпатичный парень, высокий, стройный, серые глаза. Но он больше проводит время на службе (это не мудрено в полку имени товарища Браташова, где рабочий день длится допоздна) и в мужских компаниях, чем с женой. Компании своих сослуживцев, тоже женатых, живущих здесь же, в ведомственной гостинице моторостроительного завода. А мне было интересно наблюдать за ним в холле перед ТВ, зная, что я трахаю его красивую жену!

...У меня и так утренняя эрекция, но воспоминание о том, что было этой ночью, снова начали наполнять меня желаниями...

Разбудил Лану (на самом деле – Лену, Лана – это, видимо, для оригинальности!) нежнейшими поцелуями, переходящими в страсть! А потом она, откинув одеяло, сама насаживается на мой огнедышащий джирит. И пошла наша скачка! <...подробности пропускаем...>

Нет, ребята, Боливар долго так не вынесет! И минут через пять непрерывного аллюра наши стоны заполнили этот номер.

Лежим в объятиях друг друга, переживая полученные только что делиции.

— Сколько времени? — Лана тянется рукой к моим штурманским часам. — Ёк! Ты что! Бежать надо! Чуть не проспали!

Девчонка подхватывается и, прикрыв грудь полотенцем (чего от меня-то её

прятать, она уже давно осмотрена, примята, зацелована мной!), устремляется в душ! А я имею возможность любоваться великолепием её фигурки, стройностью ног и красивейшей попкой! Создаёт же природа такую красоту!

Когда моя прелестница после душа и сладкого поцелуя, набросив на себя халатик и спрятав трусики в карман, исчезает в коридоре гостиницы, я удовлетворённо прикрываю глаза и ещё минут 15 лежу без движения.

Потянулся в кровати, ощущая спадающую эрекцию. Нет, что ни говори, хорошо быть молодым, здоровым и ёбк*м!

И подумал: кто бы что ни говорил про любовь, а секса хочется всегда и он просто необходим!

И ещё... Лучше, секс без любви, чем любовь без секса!..

Потом прислушался – летает ли 1я смена?

Вскоре за окном прошумел Су-17. Летает!

Рывком приподнялся, выглянул за окошко. Дымка, низкая облачность. Летают, видимо, минимум.

Снова падаю на подушки с запахом волос Ланы.

«Летайте! А я в это время занимался распрекрасным, изысканным секасом!»

Закрываю глаза... Как хочется спать!..

А в «аэропорту»... В 1ю лётную смену по сборам политработников руководит начальник АЦ подполковник Лушников Юрий Данилович. Во 2ю смену летает наш полк. РП – подполковник Струговщиков Анатолий Андреевич. Я подключён к нему стажёром. Эскадрильей руководить – допуск имею, надо осваивать руководство полком.

Нет, хватит нежиться! Подъём! Физиологи говорят, что с лени начинаются все болезни! Кроме венерических, конечно – там всё от активности!

Встаю. Голым сделал зарядку. Принял освежающий душ, тихо мурлыкая:

Ничего на свете лучше не-е-е-ету,

□□□ □ □□ *Чем скрипеть кроватью до рассве-е-е-ету!..*

□□□ □ □□ *Нам дворцов заманчивые своды*

□□□ □ □□ *Не заменят никогда свобо-о-оды-ы...*

□□□ □ □□ *Не за-ме-нят ни-ког-да сво-обо-о-оды!*

□□ □ □ □ *Ля-ля-ля-ля! Ля-ля-ля! Ля! Ля-ля-ля! Ля-ля! Да!..*

И далее:

Мы своё призванье не забудем:

□ □ □ □□ *Смех и радость мы приносим лю-ю-юдям!*

И между делом:

Наша крыша□ – небо голубо-о-ое,

□□□ □ □□ *Наше счастье – жить такой судьбо-о-ою...*

Побрился.

Поехал в центр – прошвырнуться по книжным магазинам. Ничего путного не попало. Вернулся в гостиницу. В коридоре навстречу бежала Ланочка с чайником.

Наскоро заключаю её в объятия, руки мнут плотненькую попку (мои – её, её – мою), целую в шейку. Мы, конечно, рискуем быть увиденными кем-то, кто выйдет в коридор. Но уж больно хочется дарить-получать такие ласки, даже мимоходом...

ЧАСТЬ II. День, 19 февраля

А в 14.30 был в столовой. И тут вводная: отъезд на аэродром перенесли на 20 минут раньше. Наскоро проглатываю обед и к автобусу.

Вот и аэродром... Командир полка... Метеоролог... Штурман... Связь...

Принятие решения на разведку погоды...

Осмотр на машине ВПП, РД и ЦЗ вместе с Андреичем...

Инструктаж расчётов аварийных средств и наблюдающих...

Медосмотр... Интересно: бессонная ночь с Ланой скажется на моих параметрах?

На пульсе не сказались – 68, а давление даже упало! Ещё бы, я его столько раз за ночь стравливал!

Потом, пока идёт послеполётный разбор первой смены, мы со Струговщиковым поочередно выпускаем с пяток самолётов и вертолётов, из перелётчиков.

Спустился на метео. Тут заходит Юрий Данилович.

— Юрий Игоревич, ты сейчас выпускал Ан-26?

— Разве я?.. — пытаюсь припомнить.

— Как же так? Самолёт выпустил, Член Военного Совета на борту – и никто не знает! Диспетчеру-то не сообщил!

Есть такой подвид начальников – им лишь бы зацепиться! А делал ты или не причастен, это уже второе... Отдерёт только так! И в памяти у него отложится – он в чём-то, кажется, был когда-то виноват!

— Понятно... Это моя ошибка... Погодите, Юрий Данилович! Ан-26 выпускал не я!

— А кто?

— Анатолий Андреевич! Ну да! Он давал ему запуск, выруливание, взлёт!

А здесь и Струговщиков, лёгок на помине.

— Андреевич! Ты выпускал Ан-26?

— Да! А что?

— А диспетчеру чего не сообщил о взлёте? Член Военного Совета на борту!

— Не сказал по громкой? Да всё я передал! Чёрт! Сейчас прапору голову оторву!

Уходит в диспетчерскую с намерением осуществить свою угрозу.

Есть такой подвид подчинённых – чуть начальник в пореве допускает паузу, тут же сматывает удочки! А виноват ты или нет, это уже дело десятое... Вроде как проехали и второй раз за одно и то же драть не станут! И в памяти у начальства не отложится, что он в чём-то был виноват!

— Как всегда, спросить не с кого! — в сердцах проговаривает Лушников, глядя в след подполковнику.

— Юрий Данилович, какие проблемы? — говорю я. — Пока полётов нет, прослушайте запись на магнитофоне переговоров по ГГС! И сразу виновники отыщутся! Правда, кое-кто уже будет без головы... Ну ничего, если прапорщик погибнет без вины виноватым, мы ему памятник перед КДП установим! Как жертве тоталитарного режима Руководителей полётов – начальников дежурных смен!..

ЧАСТЬ III. 19 февраля, вечерет

...Начались полёты. Я, как сказано, проходил стажировку. Давал команду на запуски двигателей, разрешал взлёты и посадки, руководил своими помощниками – РБЗ и РЗП. Та же работа руководителя полётами, но без полноты ответственности и под контролем опытного офицера ГРП.

— Запроси у 943го погоду, — посоветовал Струговщиков.

По моему запросу замкомэска 2й аэ стал передавать метеоусловия. Но так тихо, что едва-едва слышно!

— Что он там говорит? — силится понять Анатолий Андреевич.

— А чёрт его знает!

Переспрашиваю. Тот же эффект. Пока из 1й кабины лётчик сообщение не продублировал.

После посадки этого экипажа я посоветовал 943му выбросить его ларинги!

Продолжаем полёты. Летаем СМУ. Но видимость неважнецкая. Лётчики 3го класса пока не летают, ждут улучшения погоды.

На КДП появляется командир полка. Я понимаю его хлопоты, ему важно, чтобы слетали все. Но погода...

Хотя полковник Браташов Н.Ю. формально не имеет права давать команды и запросы в эфир (т.к. не входит в ГРП, пусть даже ты трижды командир полка!), он наклоняется к микрофону через моё плечо и нажимает тангенту передатчика:

— 307й, как погода сейчас? Можно выпускать третьеклассников?

— Можно, — отвечает начальник ВОТП Полянский, зная, что от него хочет услышать Браташов. — Видимость 6 километров.

Вот и надейся на доразведку таких «чего изволите»!

— Ясно? — с победным видом спрашивает полкач нас со Струговщиковым. — Запросятся 655й и 651й, давайте запуск! Я — здесь!

Типа того, что, если вас заклинет, я на все руки мастер и недалеко, тут же примчусь и стану вам помогать! А если что случится — тем хуже для вас, отвечать, даже за действия по моим советам, всё равно будете сами!

После этого полковник скрывается за дверью.

На фиг ты нам нужен!

Смотрю на Струговщикова, жду его решения — ведь реально видимость менее 6 километров, а я на этой смене только стажёр. За всё отвечаю не я, а он! Блеск! Всю жизнь бы так руководил — чтоб ни за что не отвечать!

— Я, конечно, его понимаю! Кто нас поймёт? — говорит тихо Анатолий Андреевич, всматриваясь за окно на ориентиры, чтобы оценить реальную видимость. Видимость из-за дымки фактически была явно менее 6 км...

— 655й, запуск?

— Ммм? — спрашиваю «шефа», попутно отыскивая позывной, а затем значок этого пилотаги в плановой таблице.

— Пусть запускает! — вздыхает Струговщиков. — Все разговоры на КДП пишутся на плёнку. Маг записал указания командира полка!

— Запуск, 655й!

— Выполняю!

Возле значка аккуратненько вывожу вертикальную черту (запускает), которая после взлёта превратится в большую букву «Р» (работает), а после посадки — в букву «В» (выполнил). Если экипаж придётся зарулить (по погодным условиям, например), то вертикальная палочка послужит основой для буквы «Н» (не летал)...

— 651й, запуск?

— Через три минуты, 651й! — ещё одна вертикальная чёрточка в плановичке.

— Понял, через три!

— Вот, Юрий Игоревич, так всегда! — в сердцах говорит Анатолий Андреевич. — Советчиков со стороны – пруд пруди! Но как только что-то случится – они все умоют руки, а на допросе в прокуратуре ты будешь один! Поэтому запомни: что бы тебе ни говорили – решать тебе! Потому как и отвечать только тебе! Принял решение – держись за него, в худших условиях, чем спланировано, лётчиков не выпускай! Не нравится кому – «На, садись, товарищ полковник, сам и руководи!»

Проходит время. И 655й взлетает.

А через три минуты перед полосой 651й. Светофором даю ему разрешение вырливать на ВПП. Сзади возникает Браташов.

Тут диспетчер по ГГС сообщает, что вертолётчикам, летающим на соседней точке, прикрывают полёты – к ним подходит туман. А наш синоптик подсовывает Струговщикову на подпись Шторм-предупреждение.

— Пусть 651й взлетает! — даёт сзади указание полкач, пока я кошу глазами на то, что понаписали нам метеобогги.

Они, кстати, этой бумагой с широкой красной полосой по диагонали сняли с себя всякую ответственность за то, что по туману произойдёт на нашей точке дальше. А Браташов добавляет:

— И больше никому не давайте запуски!

Будто без этого указания мы со Струговщиковым только и мечтали выпустить в полёт всех, кто только ни запросит у нас запуск!

Скажу честно: мне так не хотелось выпускать в полёт этого 651го! Особенно в свете сообщения диспетчера. Смотрю на Анатолия Андреевича. Он прикрывает глаза и кивает.

Разрешаю взлёт... Глазами сопровождаю взлетающий Су-17.

На КДП появляется диспетчер:

— Товарищ полковник, к нам идёт группа из Дубно по запасному! У них туман, сесть не смогли!

— Что ты... кричишь! — Командир полка исчезает с диспетчером за дверью.

И спустя минуту появляется снова:

— К нам направлена шестёрка Су-24 по запасу! — и передаёт список позывных этой группы на бумажке. — Всех наших сажать!

А как их посадишь, если двое только-только взлетели! Топлива по самый верх! Всего наших в воздухе семь самолётов! Начали заводить на посадку. И пошла пертурбация! Все мы, вся ГРП в поте лица, кого можем, сходу заводим, сажаем, разводим... Пока группа «сухих» с Дубно не подошла...

Так! Пять наших экипажей осталось в воздухе...

Три...

Уже два... Когда первые гости выходят на связь на первом канале...

Вот когда началась настоящая работа!

Руководитель ближней зоны (РБЗ) капитан Жутенко запарился. Но, чертяка, работает! Подключаюсь я. Даю экипажам перелётчиков условия для захода на посадку: погоду над точкой (нижний край облачности, видимость), посадочный курс, давление на уровне ВПП, снижаю до эшелона перехода с тем, чтобы экипаж перевёл шкалу высотомеров на наш стандарт.

Умудряюсь и 655го посадить! Но 651й только запросился из зоны в круг. Как он нам не в дугу! Как хорошо было бы, если б я его не выпустил, а зарулил! Однако первые

Су-24е уже на посадочном! РЗП тоже пашет (посадочный курс – это его епархия), и он выдаёт каждому экипажу информацию по удалению и положению относительно глиссады снижения – тут зевать нельзя. И ошибиться нельзя – ни в позывном, ни в инфо. И думать долго – что сказать? – возбраняется: паузы в радиообмене нервируют экипажи, заставляют сомневаться в правильности своих действий. Да и чуть задумался – пошёл радиообмен другого экипажа, который потребует инфо для контроля уже о своём местоположении.

Слева от меня сидит Струговщиков. Сзади стоит Браташов. Через полминуты появляется и командир дивизии полковник Чава Н.Н. Отдаю им всем должное – несмотря на то, что начальство и стояло сзади, но не мешало, не давило своим авторитетом. Хотя... Зная Браташова, можно с уверенностью сказать, что он бы обязательно влез со своими советами. Но присутствие Чавы не давало ему такой возможности! Комдив молчит, значит и ты, командир полка, не лезь!

— 370й, дальний, к посадке готов! — доложил первый пришелец на перелётном канале.

Я в эфир:

— 370му, посадка! Для группы: ветер справа под 90, 2-3 метра <в секунду>!

— Понял.

Веду снижающийся бомбардировщик взглядом... Готов в случае чего подсказать, помочь с посадкой...

Вдруг тревожный звонок на всё КДП и красный транспарант: «ШАССИ НЕ ВЫПУЩЕНО!» от наблюдающего за самолётами, заходящими на посадку.

— Шасси!.. — шумит сзади Браташов.

«Знаю! Не нагнетай!»

— 370й, на второй круг! — командую в эфир. — Выводите обороты! И на второй круг! Запрещаю посадку! Шасси не убирать!

— Следи за ним! — тихо говорит комдив.

«Да слежу!»

Самолёт почти с высоты выравнивания, набирая скорость, плавно переводится экипажем в набор высоты.

Наблюдающий по ГГС:

— У них основные стойки на замках не стоят!

Когда набор стал устойчивый, говорю в эфир:

— 370й, в наборе проверьте выпуск шасси, крыла, механизации!

— ...Всё у нас выпущено! — докладывает экипаж.

— Понял вас! Убирайте шасси, по высоте – механизацию! Круг полётов правый!

Заход на посадку двумя <разворотами> на 180! Набирайте 600 <метров>!

— 370й понял, 600!

Я тут же командую на стартовом канале нашему:

— 651й, вам набор полторы тысячи! Заход на посадку двумя на 180! У нас шестёрка по запасу заходит на первом <канале >.

— Понял, полторы!

— 370й, остаток?

— Тысяча триста, 370й!

Не густо... Для самолёта с двумя движками...

— 371й, подходите к дальнему. Шасси, крыло, механизация! Горизонт!.. —

командует руководитель зоны посадки.

— 250...

И через пяток секунд:

— 371й, дальний, к посадке готов!

— 371му посадка!

— Понял!

Слежу и за этим, заходящим на посадку, бортом гостей. А сам размышляю над тем, почему при выпущенных шасси, наблюдающий отреагировал, что стойки не стоят на замках?..

— 375й, на посадочном шасси, крыло, механизацию выпустил, 1200!

— 375й, удаление 22, на курсе! Снижение! — командует руководитель зоны посадки.

— Понял!

...И именно основные... После чего пришлось борт угонять на второй круг...

Тут до меня дошло! Ну да! Кто-то рассказывал: есть такие самолёты! Да другого просто быть не может! Поэтому...

Нажимаю кнопку громкой связи и говорю:

— Наблюдающий! У самолётов гостей только одна лампочка внешней сигнализации шасси на передней стойке! На основных их – нет! Если она горит, значит, все стойки у них вышли! Ясно? Не ищите, как на наших Су-17, все три лампочки!

— Наблюдающий понял! Тогда у этого всё выпущено!

— 370й, выполняю первый, 600!

— Выполняйте, 370й, — разрешает РБЗ.

— 372й, 550!

— 372й, удаление 10, правее 30, выше 60!

Самолёт 371го плавно приземляется у посадочных знаков.

— Диспетчер, — информирую по громкой связи, — посадка 371го!

Диспетчер промолчал. Ну и хрен с тобой! Для глухих дважды обедню не служат!

Даю команду инженерам:

— ПУ ИАС! К нам садятся шесть Су-24 по запасу! Обеспечьте приём на ЦЗ!

— Старший инженер полётов понял!

— 378й, на посадочном шасси, крыло, механизацию выпустил, 1200!

— Удаление 23, на курсе! Выше 70! Снижение! — командует помощник в зоне посадки безадресно.

— Понял!

— Посадка, — говорю на КДП для РЗП. — Кому вы сейчас дали снижение? Поэтому все информационные команды только через позывной!

— Я без паузы! — пытается оправдаться капитан.

— Только через позывной! Самолётов на посадочном много! Ещё не хватает, чтобы кто-то воспринял команду, которая дана не ему!

— Но я...

— Не рассуждать! Принять к исполнению! Безадресные информационные команды правилами ведения радиообмена не предусмотрены! Исключение – самолёт после дальнего!..

— Понято, Юрий Игоревич!

— 370й, траверз.

— Подтверждаю! — откликается Жутенко.
— 375й, 600!
— 375й, удаление 12, на курсе, на глиссаде! Режим!
— 372й, 300.
— 372й, удаление 7, на курсе, ниже полсотни.
— 651й, траверз, полторы!
— 651й, второй <разворот> на удалении 25, — это квитанция ближней зоны.
— Понял.
— 370й выполняю второй, 600.
— 370й, разворот на посадочный через... через 10 секунд! — даёт команду РБЗ.
— 372й, подходите к дальнему, ниже глиссады, горизонт! — встряёт РЗП. —
Проверьте выпуск шасси, крыла, механизации!
— 240...
— Горизонт, 372й! — это в эфир. А мне РЗП, полуобернувшись, громко говорит: — У него метров 200!
— Да вижу! — отвечаю, визуально наблюдая борт чужих через окошко.
— 370й, понял, через десять...
— 372й, дальний, к посадке готов!
— 372му посадка! — решил пока не нервировать подсказками экипаж, полагая, что лётчик и штурман сами исправят низкую глиссаду подтягиванием.
— Понял!
РБЗ к РЗП (между собой):
— 370й выходит на посадочный на удаление 16!
— Принял... 370го!
Ни хрена не исправляют! Так и до полосы плюхнуться недолго!
— Ниже глиссады, 372й! — подсказываю. — На оборотах!
— 375й, 300!
— 375й, удаление шесть, левее 20, на глиссаде! 378й, удаление 13, на курсе, ниже полсотни! Уменьшайте вертикальную!
— 600.
— 377й, на посадочном шасси, крыло, механизацию выпустил, 1200!
Я говорю громко на КДП (чтобы не сработали со мной встык и не забили мои команды):
— Так, тихо! — и в эфир с интонацией: — 372й, далеко снижаетесь, на оборотах!
На оборотах! — Потом своим помощникам: — Продолжаем!
— 377й, удаление 23, на курсе. Режим!
— 370й, на посадочном, шасси, крыло, механизацию выпустил, 600!
— 370й... удаление 16, на курсе, режим с дальности 12!
— Понял.
— 651й, выполняю второй, полторы!
РБЗ капитан Жутенко во время передачи отбивает пеленг на экране локатора на докладывающий экипаж (ну, чтобы не попутать) и командует на стартовом канале:
— 651му разворот на посадочный!
— Понял, 651й.
Я по ГГС:
— Диспетчер, посадка 372го!

И опять молчок от диспетчера. Да чёрт с тобой! Я потом с тобой разберусь!

— 375й, подходите к дальнему, шасси, крыло, механизация!

— 375й, дальний, к посадке готов!

— 375му посадка! Для группы: ветер справа под 90, 2-3 метра <в секунду>...

— Понял.

РБЗ – РЗП:

— 651й выходит на посадочный на удаление 25 на стартовом!

— Вижу, управляю!

— 370й, 300!

— 370й, удаление 6, на курсе, на глиссаде...

...Когда я усадил всю группу пришельцев с Дубно и нашего 651го, на КДП стало тихо. Руководители ближней зоны и зоны посадки расслаблено откинулись на спинки кресел. Молодцы ребята, хорошо сработали!

— Все на земле! — обернулся я к комдиву и командиру полка и посмотрел между ними – пусть каждый думает, что я докладываю именно ему!

— Товарищ командир, — обратился Браташов к Чаве. — Ну что, я полёты закрываю! Влажность растёт, запасных <аэродромов> всё меньше! Синоптики говорят, что подходит туман! Вон, РП Шторм-предупреждение выписали!

— Конечно, закрывай! — усмехается Николай Николаевич, глядя попеременно на нас со Струговщиковым. — Меня на сегодня он не запланировал и хочет летать!..

Потом, собираясь уходить, говорит:

— А что, Струговщиков! Стажёр у тебя сегодня молодец! В такой сложной обстановке с пришедшими по запасу самолётами и справился! Ни одной ошибки не допустил! Руководил спокойно, уверенно! Всех видел, всеми управлял. Особенность конструкции Су-24 вспомнил по внешней сигнализации шасси! Ещё и помощников регулировал!

Я скромно улыбнулся:

— Спасибо, товарищ полковник! Стараемся!

Комдив обращается к Анатолию Андреевичу:

— Ты остаёшься дежурить сегодня?

— Так точно!

— Ну, давай!

Пожал ему руку (только ему) и ушёл.

«А не очень-то и хотелось!» — решаю я, закрывая соответствующими надписями плановую таблицу и давая её на подпись Струговщикову. Затем оформляю Журнал РП...

Вспомнил только что провёрнутую карусель и подумал:

«Да, кутерьма была! И всё-таки я справился! Даже комдив похвалил! И Андреич мне не помог!»

Память услужливо восстанавливала картину прошедших событий, радиообмена экипажей, моих команд в эфир и того, что творилось на КДП.

Я усмехнулся, вспомнив реакцию полковника Браташова на не к месту появившегося в самое горячее время диспетчера.

— Товарищ подполковник, — сунулся прапорщик к Струговщикову после первых посадок гостей. — Кто сейчас сел? Я прослушал по ГГС!

— Иди сюда! — грозно потянул за собой диспетчера полковник Браташов.

И, выведя его из зала управления на лестницу, пригрозил:

— Если кто ещё сейчас сунется к руководителю полётами в этой обстановке, арестую немедленно! Ты меня понял?

— Так точно!

— Вот понял сам и другим передай! Слушать внимательно громкую <связь>! И не соваться со своими дурацкими вопросами во время запарки! Когда у всей ГРП уже мозги кипят! Потом выяснишь! Какая разница – на минуту раньше или на минуту позже сел экипаж, чтобы передать по диспетчерской линии?

И я подумал: в этой ситуации Николай Юрьевич всё сказал правильно...

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки (по пятибалльной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!